

მტვერი და მთვარე

آنها که طلبکار خدائید خدائید
 بیرون ز شما نیست شمائید شمائید
 چیزی که نکردید گم از بهر چه جوئید
 واندر طلب گم نشده بهر چرائید
 اسمید و حروفید و کلامید و کتابید
 جبریل امینید و رسولان شمائید
 در خانه نشینید و مگردید بهر سوی
 زیرا که شما خانه و هم خانه خدائید
 ذاتید و صفاتید گهی عرش و گهی فرش
 در عین بقائید و منزله ز فنائید
 خواهید که بینید رخ اندر رخ معشوق
 زنگار ز آینه بصیقل بزدائید
 هر رمز که مولا بسراید بحقیقت
 می دان که بدان رمز سزائید سزائید
 شمس الحق تبریز چو سلطان جهانست
 آنها که طلبکار سخائید کجائید
 تا دامنتان پر در و پر زر کند آن شاه
 ای بیخبران از کرم شاه بیائید

* * *

სახლი არ არის

* * *

В твоих глазах — лёд.

Безграничный океан космоса, невыносимый
холод далёких планет, песня недостижимых
миров — чужая, другая, непонятная мне.

Нам не договориться. Я смотрю в глубины твоих
ледяных глаз и понимаю — нет, не
договориться. Слишком уж мы отличаемся друг
от друга. У каждого из нас — своя собственная
Вселенная, мы смотрим на одни и те же вещи,
но живём при этом в разных мирах, и нет у них
точек пересечения. Мы видим, чувствуем,
дышим и умираем по-разному. Так не похоже —
и в то же время так близко, так рядом; но не
найти нам общего языка, нет, не прийти к
взаимопониманию, никогда — каждый из нас
заперт в собственной Вавилонской башне, где
все языки смешаны и нет при этом того, что
можно было бы назвать своим.

Мы чужие, посторонние — другим и друг другу,
этому миру, самим себе, и всё, что сближает нас
— лишь пересечение взглядов, слишком
разнородное, чтобы когда-нибудь стать единым
целым.

Твои пальцы судорожно вцепляются в покровы
реальности, словно стремясь отодрать их прочь,
навсегда сорвать завесу с тайны. Наши руки
почти соприкасаются, и в то же время — между
ними миллионы километров непроглядной
ночи, бесконечные серые равнины
невосполнимого одиночества и тысячи лет
громогласной, непробиваемой тишины.

Каждый из нас — мир, закрытый от другого на
самые надёжные в мире замки, ключей от
которых давным-давно уже нет на свете... да и
были ли они хоть когда-нибудь?

Мы потерялись — давно и безнадежно. Нам не
найти друг друга, нам не найти даже себя. Мы —
изгои. Наши души — подземные ходы дождевых
червей, холодные, пустые, сочащиеся
иллюзорной влагой, чавкающие и ведущие
никуда.

Я смотрю в твои глаза. Ты смотришь в мои.

Лёд. Холод далёких планет. Молчание

безбрежного эфира. Нависшая тишина.

Нам не договориться?

Неужели нам всё-таки не договориться?

* * *

Я хочу домой.

Просто хочу домой.

Хочу домой.

Но никакого дома — нет.

* * *

Ե՛ն՞ց յ՞ն՞ յ՞ն՞՛

* * *

Где это мы?

Снова жалуется.

А дети вот совсем не устают. Приятно посмотреть, как они бегают и прыгают!

Кто, я? Я хорошо переношу путешествия.

Глаз не отвести.

Тебе что, неприятно?

Да просто откуда ж вот столько в тебе этого упрямства? Можно ж было и не ходить никуда, но нет, обязательно ведь всё по-своему надо сделать.

Значит, мы договорились.

Ага, большая река над малыми речками насмехалась.

Это, наверное, какая-то метафора?

И что здесь вообще происходит.

Я понимаю. Понимаю, но, боюсь, объяснить не смогу.

Замечательно. Дома-то хоть знают, где ты?

Не надо так говорить. Пожалуйста. Никогда так больше не говори.

Что ж, давай попробуем. Но учти, я от такого очень быстро устаю.

Спасибо за понимание. Ты не представляешь, насколько это ценно для меня.

Рано или поздно любая река ведь впадёт в море?

Да ну, какие ещё рыбаки, тут и рыбы-то никакой отродясь не было.

Мы разве знакомы?

Надо же. А по лицу так сразу и не скажешь.

Заткнись!

И мне тоже что-то нездоровится. Ты как?

Мутно мне как-то от всего этого.

А мне вот от тебя мутно.

Сейчас такое редко встретишь.

Ещё бы. Ведь движение — это стихия детей. А потом, такая красота вокруг, тут любому захочется поиграть.

Не переживай, я уже никуда не тороплюсь.

* * *

Пьют ведь не для того, чтобы напиться.

Пусть так. Зачем тогда?

Ну, тут нет какого-то общего ответа. Каждый же по-разному ответить может.

Но пьют-то все одинаково.

Во-первых, не правда. Пьют все тоже по-разному, ты не равняй. Вон где-нибудь во Франции там, например, каждый день вино за

обедом пьют, и что? Они все теперь алкоголики поголовно?

Вот разве есть какая-то проблема в паре бокалов, если чисто для вкуса?

А во-вторых, что это за наезды вообще.

Почему у меня ощущение, будто ты на меня давишь.

А потом начнутся опять морали из серии «пить вредно».

По-разному.

Ну кому-то просто нравится.

Вкус нравится. Просто чтобы удовольствие получить. Это как, не знаю, поесть вкусно. Можно ж всю жизнь жрать, не знаю, перловку, брюкву, прочий силос там... сытым будешь. Если правильно подобрать всё, рассчитать, то даже и здоровым. Но удовольствия ведь никакого! А можно поесть изысканных блюд, тогда кроме насыщения ещё и от вкуса наслаждение получишь. Вот и с выпивкой так же.

Ну да, многие напитки весьма приятны на вкус.

Ну ты не забывай, что тут плюс ко вкусу ещё и опьянение.

Да, наверное.

Кто-то говорил «алкоголики»?

А так во-вторых-то что?

Где наезды? Какие наезды?

Да не давлю я. Я правда, искренне пытаюсь понять.

Слушай, ну вот простой же вопрос: «зачем»? Тебе что, ответить сложно?

Это уже понятно, а можно, ну не знаю, примеры какие-то?

Нравится пить?

Пьют потому, что это вкусно?

Хорошо, но ведь пьют не только дорогие вина. Шмурдяк всякий, всякое говно зачем в себя-то лить?

Получается, испытывать опьянение приятно.

Значит, пьют всё-таки для того, чтобы
напиться?

Блин, вот опять. Мораль покатила. К этому всё и
шло, да? Ну зачем обязательно напиваться-то?

Так вот я как раз и спрашиваю — зачем?

* * *

А тебе никогда в голову не приходило, что это
всё может быть из-за тебя?

В каком это смысле?

Ну, что ты — и есть главная причина
происходящего. Что это именно из-за тебя оно
всё сломалось?

То есть, ты хочешь сказать, что это всё моя вина.

Я ничего не хочу сказать. Я просто задаю
вопрос.

Свалить всю ответственность на меня, значит.

Ничего я на тебя не валю. Я всего лишь
спрашиваю, не приходило ли тебе такое в
голову?

Удобно.

То есть, не приходило.

Нет, не приходило. Потому что это по-моему
херня какая-то полная.

Почему херня?

А почему, блин, нет? То есть смотри, мало того,
что я во всём этом — главная жертва...

Угу, понятно. Главная жертва, значит.

...так теперь ещё и вся вина на мне? Так это у
тебя получается?

У меня пока никак не получается.

Ты ещё давай скажи, что мне это было выгодно.

Я не...

Так и в чём же тут моя выгода, ну давай, скажи?

Я не говорю про выгоду. Я не думаю, что в этом
может быть вообще какая-то выгода... тебе,

мне... хоть кому-то ещё. Я только спрашиваю, не думается ли тебе никогда, что именно ты можешь быть причиной всего происходящего?

Не думается. Сама постановка вопроса таким образом...

Погоди.

Сама постановка вопроса таким образом мне оскорбительна до глубины души.

Не ставлю себе целью тебя оскорбить.

Мне кажется это, как там сейчас говорят, виктимблейминг.

Я ни в чём тебя не обвиняю.

Газлайтинг.

Ты с кем говоришь? Ты вообще меня слушаешь?

Ты мне и слова вставить не даёшь.

Да ну?

* * *

Но где же лицо? Где моё лицо, то, что было у меня, прежде чем родиться?

* * *

Ну или взять вот, например, геев.

Погоди, а они-то тут при чём?

Да вот просто. Нет, ты не подумай там, я в целом против ничего не имею, это дело личное, но...

Но?

Но в том-то и дело, вот пусть оно и будет личное, а не публичное!

А в чём проблема-то, не понимаю. Лично а не публично твоя вот проблема в чём?

Ну предположим, мне это неприятно.

Неприятно — не участвуй. Тебя что, кто-то заставляет?

И не интересно.

Ну раз не интересно — так и не интересуйся.

Да при чём тут... ну вот ладно, взрослые люди, а дети? Вот как объяснить ребёнку, почему два дяденьки ходят за ручку и целуются?

Потому что любят друг друга?

Ага, конечно, и пусть ребенок, значит, знает, как они там друг дружку в жопы письками толкут? Это что, нормально, по-твоему, ребёнку такое знать?

Так, подожди. А что, если ребенок увидит как дядька с тёткой целуются, ему тоже сразу всю инфу про письки да вагины заливать?

Не...

А ты прикинь, дядьки иногда тоже тёткам письками в жопы тыкают, да и не только в жопы. Тоже рассказывать? Или попридержать пока?

Не передергивай, говорю.

Я не передергиваю. Просто почему в одном случае типа про любовь, а в другом — сразу про секс?

Да потому что это не я про секс, а они сразу про секс...

Подожди, это ж вроде именно тебе что-то детям рассказать надо было, так вот ты и рассказывай, про что захочешь. Да хоть про аиста сказки...

От аиста до вагины, на самом деле, один шаг.

Тогда про любовь расскажи.

У меня вообще может уверенности нету, что они друг друга любят.

А что дядька с тёткой друг друга непременно любят, а не просто перепихнуться после офиса решили, чтобы стресс снять, у тебя уверенность есть?

Да погоди, ну вот не я расскажу, так они ж сами же везде об этом кричат!

Кто?

Да педики твои!

Чё это они мои. Где кричат?

Взять те же гей-парады...

Так не ходи на гей-парады?

А дети?

Так не води детей на гей-парады!

Не передёргивай! По телевизору увидят! Или в интернете?

Серьёзно? Это ты вот серьёзно сейчас? То есть вот из всего, что ребёнок может увидеть по телевизору или в интернете, тебя больше всего смущает что? Гей-парады?

Не только, но...

Начнём с того, ответственность за то, что ребёнок смотрит, в первую очередь на родителях лежит, а не на обществе, мне так кажется, это раз.

Это как-то слишком. Разве за всем уследишь?

Ты не уследишь, а почему другие за твоим ребёнком следить должны?

Не...

А два — вот серьёзно, из всего того дерьма, что лётся с экранов, давно уже можно целую отдельную планету слепить, а тебя почему-то волнуют именно геи?

С тобой невозможно...

Знаешь, мне кажется намного сложнее объяснить ребёнку не почему дяденька любит дяденьку, а почему дяденька дяденьку ненавидит. Бьёт, калечит и убивает, тётенек, других дяденек, животных — всех подряд! Почему одни дяденьки стреляют в других, почему какая-то тётенька кидает всех на бабки, а другой дяденька с одутловатым лицом, не краснея, десятилетиями пиздит мне прямо в глаза, и никто не видит в этом ничего зазорного, понимаешь?

Ну это же ты про другое совсем.

И почему это всё — типа нормально. Вот это всё как объяснять — вот что мне кажется сложно.

Невозможно с тобой спорить.

А про любовь — про неё ничего объяснять не надо. Потому что про любовь ребёнок отлично и безо всяких объяснений знает.

Откуда?

* * *

Так всё-таки.

Всё-таки что?

Почему всё это — моя вина? Объясни. Объясни, где ты здесь видишь хоть каплю моей вины?

Не было про твою вину ни слова.

Ты ж утверждаешь, что именно я — причина всего происходящего.

Причина — да. «Вина» — нет.

Это разве не одно и то же?

И потом я не утверждаю. Я спрашиваю. Это разные вещи.

И всё же. Мне хочется услышать твою версию.

Ты ведь даже не слышишь, что я говорю. Не понимаешь разницы и слушать не хочешь.

Ты ошибаешься. Это не правда.

Вот видишь? Даже здесь ты заявляешь абсолютно категорично. Не «мне кажется, это не правда». Не «возможно, ты ошибаешься». А так с плеча сразу — рррраз — «ты ошибаешься» и всё. Dixi. У тебя заранее есть ответы на все вопросы, ну и какой смысл в разговорах тогда?

Хочу услышать.

Кто хочет услышать тот слушает, а не говорит, давай начнём хотя бы с этого.

И поэтому всё время говоришь только ты.

Замечательно. И ты после этого ещё спрашиваешь, почему я не хочу излагать своей версии?

Ну мне твоя версия не понятна, потому и хочу.

Тем более, что у меня и вовсе не было никакой «версии». Был только вопрос «не кажется ли тебе, что»?

Когда вопрос задают таким образом, это значит, у вопрошающего есть, что сказать.

Вот видишь. Тебе же уже заранее все ответы известны. Зачем тебе тогда слушать ещё что-то, если ты вообще ничего слушать не хочешь?

* * *

Ну а вот откуда бы ребёнку знать про любовь, если папа с мамой его никогда не любили?

А друг друга?

Да, может быть, и вообще никого.

* * *

Я постоянно задаю себе этот вопрос.

Что за вопрос?

Почему всё получилось именно так?

И как ты на него отвечаешь?

Не знаю. Никак не могу найти ответа. Как вообще всё это могло случиться? Почему? Как мы вообще пришли к тому, к чему пришли?

А к чему мы пришли?

Ты знаешь.

Нет.

Ой, хватит прикидываться, всё ты прекрасно знаешь. Сил никаких нет это слушать.

Тогда зачем спрашиваешь?

Вообще-то мне хочется, ну, не знаю. Сочувствия там. Понимания. Эмпатии. А не игр вот этих словесных никому не нужных. И без них, знаешь, тошно.

Тошно.

Да, тошно! Я вообще-то пытаюсь разобраться. Искренне пытаюсь понять, когда всё пошло туда, куда оно пошло. И был ли вообще момент, в который ещё можно было что-то изменить? Что-то сделать?

А действительно ли нужно было что-то делать?

Ну вот опять! Опять ты это начинаешь! Тебе же нравится, ну скажи?

Нравится что?

Выводить меня из себя! Доводить до белого

каления!

Так не выходи из себя!

Знаешь что? А иди-ка ты в жопу.

Не могу.

И почему же это ты, интересно, не можешь?

Да потому что сложно представить себе большую жопу, чем та, где мы.

Где мы?

* * *

ԵճԺԵ ԺՐ ԺՐՈՆ

ԵճԺԵ ԺՐ ԺՐՈՆ

* * *

Все посмотрели туда, откуда донёлся голос?

Нет. Мы сидели под деревом на зелёной траве, а сумки лежали неподалёку, у кустов.

Смеёшься надо мной?

Это хорошо. Познакомимся друг с другом получше?

Уже стемнело и на улицах зажглись огни.

А чего так медленно?

Ты давай не смейся надо мной!

Это ещё почему?

Постой. Где лицо?

Украли у него они.

Это случилось с ним из-за необдуманности.

А мне так не кажется.

Почему? Из-за чего? По какой причине?

Мне. Так. Не. Кажется.

Моё лицо. То, что было у меня прежде.

А вот это правда.

Смотри мне!

И давно ты здесь отдыхаешь?

Кто мы?

Ты мне и слова сказать не даёшь. Можно я тоже выскажусь?

Лицо. Моё лицо.

То, что было у меня, прежде чем родиться.

Куда?

Вот она, наверное, удивится.

Ну, не устраивало. Меня. Оно и сейчас не очень...

Много чего.

Когда мы вернулись домой, было уже темно.

Но без меня.

Смотрю. Утонула она.

Будь я без груза... висит на мне. За спиной, на спине.

Я думаю, она курит. Мне так кажется.

Они без меня и шагу не могут ступить.

Что?

Но ведь скоро вернётся мама.

Домой.
Представляешь, возвращается она такая домой.

А дома — нет.

* * *

Это ведь тебя не устраивало текущее положение вещей, так?

Ну и что тобою делалось для того, чтобы его изменить?

Много чего, о да. Жалобы, нытьё, поиски виноватых да врагов... постоянные придирки, критика постоянная, требования, поливание говном всего и вся...

Это не так.

Нет? Не так? Говоришь, не так?

Говорю.

Для чего тогда, скажи, было ломать, то что хоть как-то, но работало?

Да не работало оно!

Для чего был весь этот ор, крики, скандалы, битвы какие-то бесконечные не понятно кого и не понятно с кем? Неужели нельзя было просто наслаждаться тем, что есть?

Нельзя всё время довольствоваться тем, что есть. Это деградация. Нужно бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте, а чтобы куда-то попасть, надо бежать как минимум вдвое быстрее! Как ты не понимаешь?

Я-то как раз хорошо понимаю.

Нужно развиваться! Нужно расти! А если всё время сидеть на жопе...

...будешь всё время сидеть на жопе и при этом требовать, чтобы остальные вокруг тебя прыгали.

Я так делаю?

Ты так делаешь. Всегда. Хочешь, чтобы другие суетились, плясали вокруг, развивались, росли, менялись и меняли тебе что-то, сегодня одно, завтра другое, и приносили всё это ко входу в твою комфортную норочку...

Не правда!

...в твою комфортную норочку, а ты, так и быть, будешь этим пользоваться, но только если все остальные всё правильно сделали, а иначе...

Так вот как значит, да, я, по-твоему, себя веду.

А вот то, что развитие надо прежде всего с себя начинать, а уже потом от других чего-то требовать — такая элементарная мысль в твои великие построения никогда не укладывалась.

Я не вижу смысла дальше об этом говорить.

«Не вижу смысла дальше об этом говорить» — конечно, потому что твой прекрасный слух мои гнилые речи не услаждают.

Можно мне уже адвоката, а?

Потому что кем-то только что проговаривалось желание услышать мою версию, готовность

слушать и бла-бла-бла, а теперь, разумеется, выясняется, что хочется слушать только то, что хочется слышать, а то, что не хочется — нет.

Да просто никому не хочется слушать помоев безосновательных в свой адрес!

А что, по-твоему, не помои? Песенки о твоём величии и о том, какие вокруг все гондоны, ничего из себя не представляющие и тебя не ценящие? Это?

Иди на хер.

Ты спрашиваешь, в чём твоя вина? Упорно добиваешься от меня этого ответа? Так вот — говорю. В этом и есть твоя вина. Что вместо развития все твои силы ушли в бесконечное недовольство и нытьё по поводу несовершенства. Окружающего и окружающих. Ну вот, поздравляю, мироздание тебя услышало! Оно всегда слышит. Не нравится происходящее? Так вот вам другое — получите и распишитесь. И не хер жаловаться теперь и виноватых снова вокруг искать. Загляни лучше внутрь себя сперва.

У меня только один вопрос по всему сказанному и не сказанному — тебе пальто белое твоё не жмёт нигде, часом? А?

Со своим белым пальто я как-нибудь самостоятельно разберусь, спасибо.

Мне уже понятно, что главное говно и причина всего плохого тут я, а ты — само совершенство во плоти. Но всё-таки.

Есть, что сказать?

Есть.

Так говори. С удовольствием послушаю. Торопиться нам уже всё равно некуда.

* * *

Я вот думаю...

Что?

Нельзя же ведь, наверное, всё время стремиться к тому, что не достижимо? К тому, чего не существует вовсе?

Тут вообще есть как бы, что пообсудать. С одной стороны вроде бы да, а с другой — может

быть, только к тому что не достижимо и стоит стремиться?

Почему? Потому что тогда гарантированно не проиграешь?

Ну, не только.

Почему ещё? Не будет разочарования и опустошенности от того, что цель достигнута?

В том числе. Наверное.

Но ведь это эскапизм.

Поясни.

Бояться достижения цели — что из страха проиграть, что из боязни почувствовать опустошенность потом... ну, это слабость. Или не слабость даже, как бы это лучше так... пусть, уязвимость.

Вот так мне больше нравится, да. Слабость сама по себе не плоха ведь.

Да и уязвимость тоже нет. Плохо, наверное, бояться признавать свою слабость или уязвимость, но мы же не об этом сейчас.

Не об этом, да.

Но просто бояться достижения цели — это всё равно, что вовсе не ставить себе никакой цели.

А это плохо?

Не то, чтоб плохо. Но это... мёртво. Без цели нет движения, а значит, нет и жизни. Жизнь это всегда движение: вперёд или назад, вверх или вниз — не суть. Намеренно лишать себя цели — это как добровольно умереть раньше времени.

Но ведь просто идти от цели к цели это как-то... Ну я не знаю. Скучно? Глупо?

Для кого-то да, для кого-то нет, тут вопрос в том, что для тебя главное. Можно ставить во главу угла цель, а можно — движение к ней. И тот и другой подход имеют равное право на жизнь, и в том, и в том есть свои плюсы и свои недостатки.

Интересно.

Грубо говоря, я думаю, что есть воины, а есть — путники. Для воина главное — это...

Победа?

Не обязательно именно победа. Скорее, битва. Не важен исход, важно именно сражение. Цель. В Вальгаллу попадают, как знаешь, с мечом в руках, независимо от того, кто победил или проиграл в битве. Но для воина главное — это цель, а дорога просто ведёт его от одной цели к следующей.

Да, разумеется.

Для воина важен прежде всего результат, для путника — процесс. Но у обоих есть и то, и другое, потому что без процесса не может быть результата, ну а без результата не будет и процесса.

Не важно, что там для тебя главное, процесс или результат — жизнь в любом случае представляет собой движение. От цели к цели. От результата к результату.

Понятно, что это сильное упрощение картины, но как одна из схем...

Я понимаю, к чему ты. Для путника, получается, главное — сама дорога.

Интересная мысль.

Ну да, ну да.

Мне нравится эта твоя концепция, да. Есть над чем подумать, есть, наверное, с чем поспорить... но в целом... Красиво.

Имеет право на жизнь, вполне. Да.

А мне вот интересно — себя ты, скорее, к кому причислишь? К воинам или к путникам?

* * *

Так что? Нечего сказать, получается?

Да не буду я ничего говорить.

И почему же?

Потому что сил больше нет твоё говно терпеть.

Вот как? И что же ты с этим сделаешь?

Да пожалуй... да.

Я дам тебе в морду.

Просто дам тебе в морду и всё на этом.

Отличная мысль. Свежая. Ну что ж, валяй.
Очень интересно посмотреть на то, как ты
будешь это делать.

* * *

სახე არ არის

* * *

Понимаешь, любовь — это даже не что-то
сродни инстинкту. Маленькому ребёнку ничего
не надо про любовь объяснять. Он знает о ней
имманентно, даже если не встречался с ней
никогда. Он всё равно внутренне стремится к
ней и всегда будет стремиться.

А есть ли смысл всё время стремиться к тому,
что не достижимо?

Не знаю.

Может быть, мы просто так устроены. Всё время
рвёмся к горизонту, но никогда не сумеем стать
к нему ближе, ведь чем быстрее мы к нему
мчимся, тем быстрее он удаляется от нас.

Но вдруг?

Вдруг однажды горизонт передумает?

Или всё-таки получится совершить то, что
кажется невозможным.

Знаешь, иногда мне кажется, что мой дом там.
Где-то там, за горизонтом. И вот я стремлюсь
туда, что есть сил, но не нахожу ничего, и,
совершив круг, возвращаюсь к тому же самому
месту, с которого всё началось. И чем быстрее я
мчусь, тем быстрее возвращаюсь обратно.

Иногда мне кажется, что я просто не очень-то
хочу возвращаться, потому что мой дом — очень
страшное место.

Но что если всё не так? Что если мой дом — это
любовь?

И я просто стремлюсь вернуться в любовь? В ту
любовь, которой у меня, может быть, никогда и
не было?

* * *

Мы пьём не потому, что тянемся к веселью,

А чтобы напиться?

И не разнужданность себе мы ставим целью.

А напиться.

Мы от самих себя хотим на миг уйти
И только потому к хмельному склонны зелью.

Куда?

Хорошо. И что?

Омар Хайям.

Я в курсе.

Отвечает на твой вопрос.

Ну, мне вообще-то от тебя хотелось ответа, а не от Хайяма. Тем более, это, скорее всего, никакой и не Хайям вовсе, потому что тоже само по себе большой вопрос.

То есть что? Это что значит твоё «не Хайям»?

Моё «не Хайям» значит, что авторство этих стихов весьма спорно. Омар Хайям при жизни был вообще известен как математик там, астроном, философ, а вот что он рубаи писал — так современники за то почему-то особо не в курсе были. А вот как помер, так стихи и начали откуда-то появляться, причём с каждым веком всё больше и больше.

А, понимаю. Всего Шекспира, значит, написали студенты саратовского факультета романо-германской филологии, а из тебя бы вышел идеальный эталон душнилы для палаты мер и весов. Ну пусть не Омар, что это меняет?

Да всё это меняет. Это вообще могли европейцы-переводчики сочинить. По образцам суфийской поэзии.

А чё, европейцы-переводчики не люди?

Они-то, безусловно люди, только вот суть-то в том, что никакого вина суфийская поэзия не восхваляла.

А вот тут ты ошибаешься.

Опять ультимативное мнение с плеча? Тебе кажется. Если читаешь суфия и где-то что-то видишь про вино, то знай — это не про вино.

И про что же?

«Воистину, Всемогущий Господь имеет вино для

Своих друзей; и оно таково, что когда они пьют его, оно пьянит их; опьянённые, они радуются; возрадовавшись, они расслабляются; расслабившись, они смягчаются; смягчившись, они очищаются; очистившись, они достигают; достигнув, они воссоединяются с божественным; воссоединившись, они теряют различия со своей Возлюбленной».

Что?

Говоря о вине или опьянении, суфий подразумевает целый ворох смыслов. Это и символ непроявленного мира, и прямое переживание высшей реальности, и экстатическое слияние с Божественным абсолютом... Вся суфийская поэзия, да и образность, строится на таких вот инвертированных метафорах.

Что за фигня.

Это не фигня, это довольно известный факт.

«Даже гору напоишь, запляшет она,
Только круглый дурак может жить без вина.
Не раскаюсь, что пью. Нас вино воспитало:
Выпьешь чашу — и вся твоя сущность видна»

Это что, про божественный абсолюто или может тоже переводчики придумали?

Может и переводчики. А может и про абсолюто.

Мне кажется, это какое-то из пальца высосанное объяснение, ты уж меня прости.

Нет, слушай, а вот как ты это себе представляешь вообще? Сидит такой посреди средневекового исламского халифата, значит, поэт отмороженный во всю башню и ну себе херачит стишки о том, как ему зашибись бухать и давайте, мол, бухать вместе? Чё, правда? Ты представляешь, что бы там с ним за такое сделали?

Ну не сделали же ведь.

Да потому и не сделали, что не было там никакой «пропаганды»! Ни пьянства, ни разврата — а там, между прочим, постоянно ещё какие-нибудь прекрасные возлюбленные девы всплывали, да и юношам могло запросто достаться, никаких проблем. И это не от вольности нравов, вдуматься если, какая уж там «вольность», полная «у нас тут не гейропа» как сейчас бы сказали. Просто с точки зрения такой образности вообще никакой разницы — возлюбленная там у тебя в тексте или возлюбленный. Ведь оно ж не про секс ни разу.

Да ну?

Ну да. И всем современникам это было, в общем-то, очевидно, поэтому каких-то особых проблем с законом на этот счёт у поэтов, как правило, не возникало. Ну на совсем упоротых догматиков, конечно, всегда напороться можно было, но тут уж...

Короче, мне кажется, эти твои поэты очень удобную для себя отмазку нашли.

Вот и европейским твоим переводчикам похоже так казалось, поэтому они изрядную часть образности с переводом и похерили. Для них сама мысль о том, что Бога можно описать какой-то развратной метафорой, была непредставимой. Поэтому и читали всё напрямую. Бухло — значит про бухло. Обнаженная нога прекрасной девы — ну, значит, трахаться сейчас будут. А если мальчик молодой с листа подмигнул, так чё тут думать, автор — пидор. И педофил, чтоб два раза не вставать. Вот уж велика задача.

Ловко ты их всех на чистую воду выводишь, а. Тебя послушать, они все там идиотами в своей Европе что ли были?

Я утрирую, конечно, и сильно. Но в сущности надо признать — большая часть глубины и сложности персидско-арабской поэзии в европейской интерпретации была просрана. Факт.

Конструкт мне твой понятен, короче. Видишь в тексте любую похабщину — это не похабщина, а исполненная высочайшего смысла метафора! Бухают — Символ! Бабу хочут — Образ, нет, даже не так. ОБРАЗ! А уже коль два мужика в жопы...

Слушай, да что ж тебе жопы-то мужские так покоя не дают, объясни уже. При любом удобном случае и без про них вспоминаешь.

Поэзия наваяла.

Тебя это триггерит?

Нет.

Ладно.

* * *

Я всё-таки думаю, у него есть какой-то план.

Да нету у него никакого плана.

То есть ты думаешь, он вернулся просто так?

Я думаю, что он просто бездомный безликий бездельник.

Напрасно так говоришь. Почему его тогда все так боятся?

Людям нужно кого-нибудь бояться.

Прям пугают им...

Ну людям нужен кто-то, кем можно пугать других.

Зачем?

Удобно. С себя можно ответственность за происходящее снять, например.

Но при этом ведь очень многие ему верят.

Правильно. Людям нужно кому-то верить.

Но ты — нет.

Нет. Я давно уже не верю. Ни во что и никому. Мне оно всё как-то без надобности.

Получается, ты осуждаешь?

Кого?

Людей?

Конечно нет. Кто я, чтобы судить людей?

А его?

Осуждаю? Нет. Разумеется, нет.

Но и не поддерживаешь.

Просто я не думаю, что с его возвращением что-то принципиально изменится. Да и не верю, что есть какой-то план.

Ну всё-таки, не мог же он вернуться просто так, ни на что не рассчитывая? В чём смысл?

Сомневаюсь, что в этом мире есть хоть что-то, на что можно рассчитывать. А планы... они только в головах людей, но сама реальность редко подчиняется хоть каким-то планам. Вот тебе и весь смысл. Придумать-то можно всё, что угодно. Но верить в то, что от этого реальность начнёт плясать под твои хотелки... нет, это без меня.

Это какой-то очень уж пессимистический взгляд на вещи.

Тогда я вообще за авангардизм.

Ну, применительно к ситуации я считаю, что мир такой, каким мы его хотим видеть. Мы — сами художники своего мира и пишем его. Каким нарисуем, таким он и будет.

Погоди. К этому мы ещё вернёмся. А пока ответь мне на один вопрос.

То есть в итоге ты всё-таки правда думаешь, что он это просто так? Просто так рискнул всем и вернулся туда, где его ничего хорошего не ждёт? Без плана? Без замысла? Без какой-либо внятной цели? Он что, по-твоему, совсем идиот?

Некуда?

Каким было моё лицо до моего рождения?

Лицо. Первоначальное лицо. То самое, что было у меня прежде.

Прежде чем появиться на свет.

Какой есть. Но мне лично кажется, что это не пессимизм, а реализм.

Это как? Ну, применительно к данной ситуации.

Ну так я о чём? Вот тебе и причина, пожалуйста. Стоило из-за этого в драку лезть, а?

Валяй.

Никто никогда не возвращается с какой-то внятной целью. Мне кажется, мы всегда возвращаемся просто так. Просто потому, что очень хотим вернуться.

Хотя возвращаться нам всем, в сущности, некуда.

Мы очень хотим вернуться. Вернуться домой. Но возвращаться — некуда.

Потому что никакого дома — нет.

* * *

Где я? Где то место, в котором мне хотелось бы очутиться?

Кто я?

Каким было моё первоначальное лицо прежде моего рождения?

Кто мы?

* * *

სახლი არ არის

* * *

Сначала у нас есть иллюзия контроля. Нам кажется, что мы полностью управляем всем происходящим и в любой момент можем повернуть всё так, как захочется. Остановиться или продолжать дальше — нам кажется, что это полностью наш выбор и больше ничей.

Разумеется. А чей ещё?

Ну до тех пор, пока мы полагаем, что он наш — вариантов немного. Это, знаешь, как из тонущей машины шансов выбраться мало, потому что разница давлений и двери под водой открыть невозможно. Говорят, нужно дожидаться, пока салон водой полностью зальёт, давление сравняется, главное — дожить до этого момента.

По-моему, вот сейчас уже самое время.

На самом деле, выбор мы делаем ещё тогда, когда решаем сунуться ли в реку не зная брода. Но если уж начали тонуть — лучше признать, что мы именно тонем, а не просто машина в грязи буксанула на минуточку.

А ещё лучше — коли уж лезешь в реку, так держи в своей башке факт, что можешь в ней утонуть.

И как тебе это поможет?

Например, можно заранее открыть окно. И не придётся потом стеклом ногой вышибать или ждать, молясь чтобы в лёгких воздуха хватило, пока тебя с головой зальёт.

Не вижу тут какой-то особой проблемы — открыть окно заранее.

«Да тут мелко, не ссы, поехали» — хрен ведь кто признает, что утонуть может. И что тонет — тоже. Начинают двери дёргать, когда уже поздно, когда вода уже в люки сверху льётся.

Потому что поначалу у нас есть полная иллюзия контроля. Нам кажется, что мы полностью управляем всем происходящим.

Потом нам кажется, что мы просто немного увлеклись и в любой момент можем остановиться. Можем, просто пока не хотим.

Потом мы ищем оправдания. Где-то внутри себя мы уже понимаем, что что-то пошло не по плану, но нам всё ещё кажется — будет шанс всё исправить. Когда-нибудь потом, не сейчас, ведь сейчас у нас есть причина делать так, как делали всегда.

Потом мы начинаем винить других.

А потом — всё. Нам пятьдесят, дверь не открывается, вода хлещет в салон, и мы тонем. Нам пятьдесят и мы — безнадежно обоссавшиеся в штаны алкоголики. Весь потенциал пропит, таланты просраны, а надежды продрочены. И нет того будущего, о котором мы мечтали. Потому что никакого будущего теперь вообще нет, есть только настоящее. Где никто нас больше не любит, и никому мы не нужны — даже бывшим событульникам. Наши речи бессвязны, наше дыхание зловонно, мы гоним пургу, а друзья и близкие отворачиваются от нас и морщатся при одном упоминании нашего имени.

Все вокруг жалеют, но не тех, кем мы стали, а тех, кем мы были когда-то — безнадежно и забыто давно, прежде чем сунуться в эту реку.

Мы тонем. Беспробудно, окончательно. Теперь уже навсегда. Вода хлещет в салон, двери не открываются, воздух кончается — и вот мы уже умираем под каким-то обоссанным забором. Когда-то такие все из себя талантливые и красивые, а теперь грязные, спившиеся, всеми забытые и никому не нужные.

А ведь всё, что было нужно сделать — просто приоткрыть окно.

Ну или поискать другую переправу.

А, теперь я понимаю, к чему был весь этот спич. Только вот знаешь что?

Что?

Вообще-то, побереги свои проповеди для иной какой-нибудь паствы.

Потому что я — не пью.

Я никогда не пью.

Неожиданно.

А почему, если не секрет?

Выпьешь чашу — и вся твоя сущность видна.

Я, наверное, не совсем...

А что тут понимать? Я не пью, чтобы не дать ни единого шанса проявиться своему лицу.

Какому ещё лицу?

На самом деле это не настоящее моё лицо. Совсем не то, что было у меня при рождении или до него. Но оно только и ждёт хотя бы малейшего шанса проявиться на свет. Даже самого малого, поверь, не упустит. И если я не хочу...

Да что это за лицо ещё такое?

* * *

საქმე არ არის

საქმე არ არის

* * *

Царь такой художник одноглазый.

Всё равно.

Искал он причину наказать.

Чтобы наказать.

Раз однажды наказал он, нарисуй, мол, меня. Так поступил он.

Ну так пусть сам и поищет.

Ищу, говорит, но не могу найти.

Спроси?

Мне трудно слушать.

Двуглазый, с обоими глазами убьёт он меня.

Да. Нет. Стой. Блин, ты что, смеёшься надо мной?

Ты давай не смейся надо мной! Опять.

Это слишком подлое объяснение.

Не подлое, то есть. Простое.

Пьют ведь не для того, чтобы напиться.

Он уже вышел.

Откуда у меня взяться брату?

Откуда бы у меня вообще
взяться брату?

Нет у меня никакого брата.

И никогда не было.

Зачем спрашиваешь тогда?

Опять.

С обоями-глазами?

Здравствуй водка — прощай разум?

Есть ищущие путь, не ведающие своего
подлинного лика, ведь они считают истинным
лишь свой собственный ум.

Подлое?

Хорошо. Он больше не достоин пить вино.

Где. Твой.

Брат.

Когда?

Я не знаю.

Я не знаю.

Я не знаю.

Я знаю.

Просто.

Просто не хотелось, чтобы разговор вдруг
закончился. Страшно сделать паузу. Кажется...

Кажется стоит только наступить тишине —
закончится и всё остальное тоже. Не только
разговор.

Всё?

Как только возникает тишина — исчезает всё
остальное.

Хм. А может быть, действительно исчезает?

Но ведь затем появляется снова?

Ну и что тогда?

И всё тогда.
Тебя это пугает?

Всё.

Ничего.

У меня нет брата.

Бойтся ли мой брат, которого не существует,
того, что он не существует?

Некому ведь бояться.

Боюсь, я тебя не понимаю.

Вообще всё, понимаешь?

Остальное.

Да.

Вроде того.

Может быть.

Может быть. Не хочется проверять. Как узнать?
А вдруг не появляется?
Вдруг не появится? Что если за какой-то
репликой не наступит уже ничего, кроме
тишины?

И ничего тогда.

Что.

Что?

Не знаю. Наверное. Я не знаю. Вот твой брат...
он боится?

Именно.

Да.

А откуда знать? Откуда тебе знать?

Давай предположим. Ну вот что если не-
существование — и есть страх. И ничего. Ничего,
кроме страха.

Так можно про что угодно...

Что если за пределами существования вообще ничего нет. Кроме страха. И всё несуществующее боится своего не существования?

К тому же, это ведь какая-то бесконечность. Тупая бессмысленная бесконечность.

Да.

Несуществующее ведь бесконечно. Совершенно бесконечно. Гораздо намного более бесконечно, чем существующее.

Да, именно. Дурная бесконечность, в которой нет ничего. Вообще ничего, кроме страха. Кроме страха «ничего». Бесконечного, безвременного страха.

Перестань. Так можно про что ведь угодно сказать.

Ну так и скажи, кто ж тебе не даёт?

Да мне ведь и не хотелось говорить! Это ж тебе страшно, что вдруг за какой-то репликой не наступит уже ничего, кроме тишины.

И потом, это ведь вообще бессмыслица. Так можно очень далеко зайти. Но так ни к чему и не прийти.

По-моему, мы с тобой и так уже далеко зашли, никуда не придя при этом. Сложно вообще себе представить большее «далеко», чем мы с тобой уже есть.

Вот видишь?

Что?

Мы с тобой уже есть.

И?

Это — главное в твоей фразе. Мы уже есть.

Или ещё?

Ты знаешь, в сущности это, наверное, означает одно и то же. То же самое.

Получается, ты тоже этого боишься, да?

Чего.

Ничего.

Чего?!

Тишины. Того, что за очередной репликой однажды не окажется следующей.

А. Да нет, наверное. Не очень.

Почему?

* * *

Грязь.

Вот что это за лицо.

Всего лишь грязь, и ничего более.

И иногда я думаю. А что если ничего другого никогда и не было?

Кто я? Что если и не было у меня никогда никакого другого лица?

* * *

სახე არ არის

სახლი არ არის

* * *

Интересно?

Очень.

Сомневаешься во мне?

Ну так ты не говори, а попробуй сделать. Хоть раз попробуй и сделай.

То есть ты всё-таки полагаешь, что у меня ничего не получится.

Опять слова. Слова, слова, слова. Действия — ноль.

Ну разумеется, у тебя ничего не получится.

Почему ты так думаешь?

Потому что нет у тебя рук, да и лица, по которому ты собираешься ударить, тоже нет.

Ошибаешься. Лица здесь нет у меня.

Нет здесь ни у кого и ничего. Ни лица, ни рук, ни дома, ни места, ни дела... Только лишь слова, слова, слова... бесконечная паутина слов.

Тебе никак не дотянуться до меня.

Ты до меня никогда не достанешь.

* * *

Почему?

Потому что даже если не будет слов, я — останусь. Я-то всё равно останусь.

Может быть, нет. Мне порой кажется, что наш мир состоит из слов. Из одних лишь слов, и ничего, кроме них, в нём как бы больше и нет. Мир — это текст. Просто текст, и ничего более. А когда кончатся слова, то ничего больше и не будет. Когда кончится текст — кончится мир.

А, здравствуйте, Жак Деррида, а то чего-то вас в этом гриме и не признать.

Ну правда.

Что — правда? Правда за пределами слов. За пределами текста — смысл.

Смысл — это тоже всего лишь слово. Текст. Поэтому смысл может быть только в самом тексте.

Да нет в этом тексте никакого смысла, и быть не может. Словами и текстом смысла не передать. Смысл всегда лежит за их пределами.

Ты говоришь одно, я говорю другое, но сам наш спор о смысле — это тоже всего лишь текст.

Нет никакого спора, нет никакого смысла и нет никакого текста. Есть ты. Есть я. Так что текст может заканчиваться в любой момент и столько раз, сколько ему приспичит. А смысл останется.

Мы останемся.

Откуда такая уверенность?

Потому что мы — это главное. Наша суть, а не те слова, которыми она выражается.

Нет никакой сути, если её нельзя выразить словами.

Да суть вообще словами не выражается!

Тогда её нет.

Ты хоть где-нибудь в тексте видишь хоть слово о моей или твоей сути?

Нет.

Но мы есть?

Об этом можно поспорить.

Но это тоже будут только слова.

Да, вот именно. Слова, слова, слова. И ничего, кроме слов.

Но кто это говорит?

Что?

Слова. Если есть слова, значит есть и тот, кто их говорит? Кто их говорит?

Ты.

И ты.

* * *

Жил себе был, значит, царь. Бездельник такой одноглазый.

Чего у него не было?

Гла́за.

Лица?

Нет, вот лицо у него как раз было, хоть и страшное. А вот гла́за — нет.

А дом у него был?

Был, конечно. Разве бывают на свете бездомные цари?

На свете всё бывает. А дело, дело-то у него было?

Ну конечно, было. Он же был царь, вот и царствовал. Наверное.

Ну вот, а говоришь, «бездельник». Так чего у него там не было?

Гла́за. Всего лишь гла́за.

Ну откуда я знаю? Может, потерял где-то, а может, украли. Не было и не было. Какая разница?

Да перестань уже меня сбивать.

И был в его царстве один художник. Не то, чтоб прям шибко популярный, но такой... широко известный в узких кругах.

Да всё у него было. Кроме разве что денег может быть, но это не точно.

И руки, и глаза, и лицо. Это совершенно точно. Так вот, маялся однажды царь от безделья, и решил этого художника наказать.

Да чтобы наказать. Потому что вечно эти художники чёта больно до хрена о себе думают.

Призвал он тогда к себе этого художника и наказал ему, значит: нарисуй, мол, меня. Так поступил он.

Ну художник такой: а сроки, мол? Сроки-то какие?

А царь такой: да ты охренел, что ли, в конец, какие тебе ещё сроки? Вот тебе стул, вот тебе холст.

И краски вот на тебе, и кисти. Садись, мол, тут рисуй, и повыёбывайся мне ещё, ага. Пока не нарисуешь — из-за стола не выйдешь. Так поступил он.

А почему у него не было гла́за?

Ладно. Будем считать, что это случилось с ним из-за необдуманности.

Хорошо.

И чего у него не было?

Но руки и глаза у него были.

Для чего?

Веская причина. Не поспоришь.

А что художник?

А царь?

А краски?

Ситуация, однако.

Ну, вообще попадос. И всем вокруг понятно, что попадос. Художник такой думает: ну я попал. Нарисую с двумя глазами — убьёт он меня, что не правда. С одним глазом нарисую — убьёт, за то что уродом изобразил. Напишу как авангардист: вообще разорётся. Скажет, мол, что это за говно? Где лицо, скажет, это что, лицо у меня? Да мой внук и то лучше нарисует! Как ты можешь так писать, совесть у тебя есть вообще? Мужик ты или педераст проклятый?

А царь что думает?

А царь думает: ну ты попал, мужик. Как хочешь пиши, чё хочешь делай, а один фиг найду ведь, до чего докопаться. Хоть с двумя глазами пиши, хоть с одним, хоть без глаз вовсе, да хоть на охоте в оленя целящимся — по-любому, конец тебе пришёл. А если абстракцию вздумаешь намалевать, педераст проклятый, так и вовсе шваброй в жопу выебу и не посмотрю там на твою широкую известность в узких кругах.

И что художник? Сел рисовать?

Ну а куда деваться-то? Сел, конечно.

И чем всё закончилось?

Да ясно чем.

Убил его царь?

Нет. Отпросился в туалет и свалил через окно навсегда. И больше в то царство никогда не возвращался, на хрен оно бы ему нужно.

Кто, художник?

Почему — художник? Царь, разумеется. Кто ж художника в туалет-то выпустит, чай не идиоты. Ясен же пень, что свалит через окно навсегда и никогда больше в это царство не вернётся, на хрен оно бы ему нужно?

И что?

И всё.

А с художником-то что стало?

Да ничего с ним не стало. Что вообще может стать с художником? Так и пишет сидит до сих пор, царь-то блуждает где-то, возвращаться домой не думает. На хрен оно бы ему нужно.

* * *

Так вот, я думаю, нельзя же ведь, наверное, всё время стремиться к тому, что не достижимо?

Мы, наверное, так устроены, что всё время стремимся к чему-то невозможному. Недостижимому. К вечно ускользающему и неуловимому.

Типа: разве может обрести дом тот, у кого нет дома?

Разве может обрести лицо тот, у кого нет лица?

Нет никаких сомнений ни в том, ни в другом.

Вообще для таких специальные слова придуманы в языке. Мечтатели. Бездельники. Клоуны.

Да ну, ерунда какая. Какой-то это всё мазосарказм с твоей стороны. Может быть всё проще?

Может быть.

Всегда есть какая-то цель. Нельзя вернуться просто так.

Вернуться вообще нельзя.

Кто тебе такое сказал? Разумеется, можно. Откуда вообще эта мысль, что время течёт только в одном направлении?

А куда оно течёт?

Да может быть, оно вообще не течёт.

Если представлять время как реку. Но что если время — это океан?

Если честно, я пока не знаю, что сказать. Меня эта мысль на самом деле ошарашила.

Куда течёт океан?

Ну, есть например Гольфстрим...

Это течение в океане. Но не сам океан.

Там глубоко. Неожиданно глубоко.

Так может быть, тебе стоит поставить твой вопрос иначе. Не «куда возвращаться», а

«зачем»?

Может быть, твой дом — это вообще не место.

А у меня — лица. Но что, если ты скучаешь по состоянию? Просто по состоянию, когда всё было хорошо, спокойно и безмятежно. Вокруг тебя — родители, и тебе не надо ничего решать, взрослые всё решат за тебя, как иначе? И тебя любят. Мама с папой тебя любят и всегда любили, разве не так?

А теперь взрослые — это мы. Никто не придёт, ничего не решит за нас, и некому больше нас полюбить. Не «за что-то», а априорно, просто так, по факту самого нашего существования. И кажется, что этого состояния уже никогда не вернуть, потому что время — это река, и вернуться никуда нельзя. Просто-напросто некуда уже возвращаться.

Что если время — это океан?

Так может быть не надо больше никуда стремиться?

Что если не надо искать лицо, потому что никто и никогда никакого лица не терял?

Что если некуда возвращаться, потому что мы уже — дома?

Что если никто из нас никогда этого дома не покидал?

И мы — есть.

«Зачем»?

У меня нет дома.

Возможно.

Там глубоко.

Так глубоко. И только волны всё бьются, бьются и бьются о берег одинокого туманного острова.

Бьются и бьются. И любовь есть всегда. Безусловная и абсолютная?

В смысле?

Мы — есть.

* * *

Вот я думаю.

Что?

Зачем же он всё-таки вернулся?

Кто?

* * *

Иногда мне кажется, что мой дом где-то там, далеко внизу, за горизонтом. И я стремлюсь туда, что есть сил, но не нахожу его, и, совершив круг, возвращаюсь к тому же самому месту, с которого всё началось. Но время уже другое. И мы — другие. И место — не то же самое.

Иногда мне кажется, что никакого дома нет. Вовсе нет и никогда не было.

Иногда мне кажется, что и я не хочу никуда возвращаться, потому что мой дом — очень страшное место.

А иногда не кажется.

Ты спрашиваешь, путники мы или воины?

Иногда я думаю, что мы не те, и не другие.

А иногда — не думаю.

А вдруг мы всего лишь дети?

Слушай.

Мы — дети, потерявшиеся в лесу. В лесу, кажущемся нам огромным и страшным. Потеряли тропу и не знаем, куда двигаться дальше. Мы всё кричим, кричим и кричим от страха, и пугаемся от этого ещё сильнее, и эхо наших голосов разносится по лесу всё дальше, дальше и дальше, изменяясь в конце концов до неузнаваемости, и вот мы теряемся ещё больше; мы тонем в хоре собственных голосов и их гротескных, неузнаваемых отражений.

Но ведь мы и понятия не имеем, что бескрайний наш лес — всего лишь крохотная рощица на огромных просторах мира? И вся его необозримость, вся его бескрайность — лишь следствие нашего воображения? Следствие нашего отсутствия опыта.

Пройди ещё немного — выйдешь к обрыву. И увидишь бескрайнюю, по-настоящему бескрайнюю зелёную равнину, что расстилается до самого горизонта и теряется где-то там, в далёкой синеватой дымке, а над дымкой —

белоснежные вершины устремляющихся к небу гор.

А за небом — космос.

Оглянись назад.

И вот ты говоришь. Может быть дом — это не место, а состояние. Ты говоришь, может быть важно вернуться не куда-то, а зачем-то. Ты говоришь, что может быть время это не река, а океан.

А может быть, вообще не это. Может быть, важно не «зачем» и не «куда». Может быть, самое важное, это вопрос — а кто, собственно, вернулся.

Говорят, что луна — это просто-напросто огромный комок застывшей в безграничном холодном космосе слипшейся пыли.

Но ведь никто и никогда не скажет, что пыль — это рассыпавшаяся на составляющие луна?

Да какое это имеет значение. Для тебя правда так важно, кто и что скажет? Ну, например, все мы были когда-то звёздами. Абсолютно все и всё сделано из звёзд.

А это значит, что мы и есть звёзды. Мы были и будем всегда.

Всё есть любовь.

Так какая вообще разница, наступит ли за очередной репликой хоть что-то, кроме тишины?

А Бог есть любовь?

И всё из этой любви сделано. Так какая...

* * *

* * *

И как всегда найдётся кто-то, кто думает, что вот сейчас-то ему точно всё объяснят.

Что весь смысл этого сложного, огромного мира вокруг нас сейчас раболепно разденется и послушно ляжет к его ногам.

Что пазл сложится воедино и сквозь пыльное стекло образов и смыслов проступит наконец тот, единственно верный и предназначенный специально для него.

Ну или хотя бы придёт кто-то умный и объяснит ему, как же это всё тут на самом деле устроено.

Потому что ну как иначе? Всегда и обязательно всё должно быть понятно.

Ну хотя бы чуть-чуть.

Но разве мир обещал хоть кому-то быть понятным?

Разве мир хоть кому-нибудь что-нибудь обещал?

Никто не придёт.

И ясно не станет.

Мы приходим в этот мир нагими и нагими из этого мира уходим.

Снова приходим, и снова уходим, возвращаемся и уходим опять, так и не успевая толком понять чем же было всё то, что только что с нами произошло.

И в конце нас не ждёт ни точки, ни объяснения.

И анонса о том, что же вообще нас ждёт, перед началом тоже не будет.

Никто не расскажет что же это всё, собственно, было.

Нет никакого начала и нет никакого конца. Мы приходим в этот мир нагими.

И нагими из него уходим.

Приходим и уходим.

Приходим и уходим. Возвращаемся, возвращаемся и возвращаемся.

И нет ничего, что хотя бы раз можно было бы

забрать с собой.

Кроме восторга от того, как же всё-таки сложно и красиво устроен этот непостижимый мир, вихрем пронёсшийся перед нашим взглядом.

Хотя обязательно ведь найдётся кто-нибудь, кто из всего этого многообразия запомнит лишь трахающихся в жопы мужиков.

И красота.

Это всё.

Кроме восторга.

Мир волшебен, прекрасен и полон чудес. И совершенно никому не обязан быть понятным.

Но волны всё бьются, бьются, бьются и бьются о берег, и всё, что есть у нас — череда мгновений, связанных лишь тем, что в каждом из них присутствует память о предыдущем.

И любовь.

Так что, если за очередной репликой не наступит уже ничего, кроме тишины?